

ЗАМЕТКИ ДОСУЖАГО ЧИТАТЕЛЯ.

"Отечественныя Записки" январь и февраль.

Кому на Руси жить хорошо. Н. Некрасова.

Поздняя любовь. Сцены А. Островскаго.

Крестьянская реформа. Грыцько.

Изъ деревни. А. Энгельгардта.

Очень маленькій человекъ. Глеба Успенскаго.

Благонамеренныя речи. Щедрина.

Прежде всего два слова объ "Отечественныхъ Запискахъ" вообще. Читатели знаютъ вероятно что "Отеч. Записки" - это семья, которой папенька Н. А. Некрасовъ держитъ въ известномъ порядкѣ, внутреннемъ и внешнемъ, во имя преданій блаженной памяти "Современника". Этимъ семейнымъ характеромъ "Отечественныя Записки" отличаются отъ другихъ нашихъ журналовъ. Здесь у каждого члена семьи своя роль, своя задача, свой отдѣлъ, и вы очень редко встретите въ этомъ журнале появленіе чего либо случайнаго, или чего либо новаго, выходящаго изъ преданій этой почтенной семьи. Папаша этой семьи Н. А. Некрасовъ, дядя ея Щедринъ, крестный отецъ, являющійся съ визитомъ на новый годъ, А. Н. Островскій, и затѣмъ обильная семья сыновей и племянниковъ, составляющихъ группу сателлитовъ вышеназванныхъ мною светилъ. Другая черта этого журнала та, что трудно определить къ какой принадлежитъ онъ "партіи"; къ либеральной - это само собою разумеется: семья хранящая преданія "Современника" можетъ ли не быть либеральною? Но какой именно либеральной партіи, определить трудно. Судя, напримеръ, по двумъ нумерамъ сегодня мною разбираемымъ, я бы назвалъ этотъ либерализмъ сатирико-обличительнымъ, съ весьма пессимистическими воззрѣніями на жизнь и на людей, взятыхъ немного ужъ слишкомъ въ отвлеченномъ смыслѣ слова, но не ручаюсь чтобы, на основаніи предыдущихъ или будущихъ книгъ этого изданія, можно было это определеніе считать неизменнымъ.

Этотъ семейный характеръ изданія имеетъ свою выгодную и невыгодную стороны. Выгода заключается въ томъ что все поютъ въ трогательномъ единомысліи, а можетъ быть и единодушіи, подъ волшебнымъ жезломъ тятеньки и дяденьки. Но за то неудобство заключается въ томъ что, въ сущности, такой журналъ какъ "Отечественныя Записки" обращается ни во что иное какъ въ меняльную лавку для такихъ крупныхъ талантовъ какъ Некрасовъ и Щедринъ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть непременно размененъ въ выходящемъ на светъ номерѣ то въ видѣ "*благонамеренныхъ речей*", то въ видѣ главы изъ безконечнаго вопроса: "*кому на Руси жить хорошо*"; безъ себя ни тятенька Некрасовъ, ни дяденька Щедринъ книжки не выпускаютъ ни въ мартѣ, ни въ ноябрѣ, ни весною, ни осенью, ни летомъ, ни зимою; а отъ этого постоянного обмена на мелкую монету теряетъ талантъ, и полного роста врядъ-ли ему достигнуть.

При такой точкѣ зрѣнія главнѣйшій недостатокъ "Отечественныхъ Записокъ" заключается въ томъ что оне существуютъ. Не будь ихъ, - не только Петербургъ, но даже и Россія ничего бы не проиграли, ибо племяннички благоверной семьи этого журнала разместились бы по другимъ изданіямъ, а таланты какъ Щедринъ и Некрасовъ могли бы вырасти и дойти до крупныхъ и весьма крупныхъ размѣровъ.

Впрочемъ это мое собственное мнѣніе, и можетъ быть ношу въ себѣ я его одинъ... а пока пора и начать.

* * *

Оригинальную тему избрала себе муза Н. А. Некрасова, настроивъ свою лиру на тотъ мотивъ что дескать на Руси хорошо жить никому не приходится. Вопросъ этотъ - чисто реальный - задали себе въ одинъ прекрасный день любознательные мужички, и вотъ странствуютъ они везде, и ко всякому встречному обращаются съ этимъ вопросомъ. На этотъ разъ сказали они себе:

Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго,
Послушаемъ-ка бабъ!

Пройдя черезъ какое-то, въ развалинах, в опустошеніи, и грустью насквозь проникнутое барское именье, идутъ они въ поле, и

..... после дворни ноющей,
Красива показала
Здоровая, поющая
Толпа жнецовъ и жницъ...

Здесь обретають они некую Матрену Тимофеевну:

Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Летъ тридцати осьми.
Красива; волосъ съ проседью,
Глаза большіе, строгіе;
Ресницы богатейшія,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафанъ коротенькой
Да серпъ черезъ плечо.

Вотъ эта-то Матрена и повествуеъ мужичкамъ про свое житье-бытье. Грустною прегрустною выходитъ эта повесть, но есть места где поэтъ является въ восхитительной красе образовъ; есть и места где, видно, муза чемъ-то развлечена, и поэтъ поетъ безъ нея въ тотъ же размеръ, но, увы, безъ того же вдохновенія. Полюбила Матрена парня Филиппа, и Филиппъ ее полюбилъ.

Пригожь-румянъ, широкъ-могучъ,
Русъ волосомъ, тихъ говоромъ,
Паль на сердце Филиппъ!
И говоритъ она ему:
Ты стань-ка, добрый молодець,
Противъ меня прямехонько,
Стань на одной доске:
Гляди мне въ очи ясныя
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтобъ жить со мной - не каяться,
А мне съ тобой не плакаться...
Я вся тутъ такова!

А тамъ и свадьба. После медоваго месяца да счастья, побилъ Филиппъ свою Матрену:

Плетка свиснула
Кровь пробрызнула,
Ахъ, лели! лели!
Кровь пробрызнула!

Потомъ Филиппъ ушелъ на заработки; она родила сына. Прелесть, какъ хорошо она его описываетъ:

Краса взята у солнышка,
У снега белизна,
У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирскаго,
У сокола глаза!
Весь гневъ съ души красавецъ мой
Согналъ улыбкой ангельской,
Какъ солнышко весеннее
Сгоняетъ снегъ съ полей.

Но скоро на радости пришла беда. Въ рабочую пору поручила она Демушку своего дедушке Савелію - богатырю, прощенному каторжнику, когда-то участвовавшему въ убійстве управляющаго имениемъ, где Савелій былъ крепостнымъ. Этотъ Савелій является у поэта чемъ-то въ роде героя того царства, которое Савелій зоветъ "богатырствомъ русскимъ" и которое рисуетъ такъ:

Цепями руки кручены,
Железомъ ноги скованы,
Спина... леса дремучіе
Прошли по ней - сломалися.
А грудь! Илья Пророкъ
На ней гремитъ-катается
На колеснице огненной...
Все терпитъ богатырь...

Нечаянно-негаданно этотъ Савелій попустилъ смерть Демушки, пока Матрена была на работе.

Пріезжаетъ полиція: ребенка режутъ для осмотра; допрашиваютъ несчастную, горемъ убитую Матрену, терзаютъ ее и резнею, и допросами; ребенка, наконецъ, положили въ гробикъ, а старикъ Савелій, столетній богатырь, читаетъ надъ гробикомъ молитвы и крестится. А Матрена бедная, увидевъ его, гневная и грозная кричитъ ему:

Уйди! убилъ ты Демушку!
Будь проклятъ ты... уйди!...

Тутъ поэтъ влагаетъ въ уста Савелію чудную исповедь. Напомнивъ свое мрачное прошлое въ несколькихъ словахъ, Савелій доказываетъ Матрене то что не открывалъ ей:

Окаменелъ я, внученька,
Лютее зверя былъ.
Сто летъ зима безсменная
Стояла. Растопилъ ее
Твой Дема - богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Демушка...
И я ему въ ответъ.
Со мною чудо сталося:
Третьево дня прицелился
Я въ белку: на суку
Качалась белка... лапочкой
Какъ кошка умывалася...
Не выпалилъ: живи!
Брожу по рощамъ, по лугу
Любуюсь каждымъ цветикомъ.

Иду домой, опять
Смеюсь, играю съ Демушкой...
Богъ видитъ, какъ я милаго
Младенца полюбилъ!
И я же, по грехамъ моимъ,
Сгубилъ дитя невинное.
Кори, казни меня!
А съ Богомъ спорить нечего...
.....
Теперь въ раю твой Демушка.
Легко ему, светло ему...
Заплакалъ старый дедъ.

На могилке Демушки простила Матрена дедушку.

И долго у креста
Сидели мы и плакали.

Тутъ-то и дать Савелію богатырю тихій конецъ. Неть, муза на мигъ отошла отъ поэта, и какъ будто въ этотъ мигъ поэтъ даетъ умирающему старику сказать, до замыканья глазъ на веки, прескверныя и препошлыя слова, которыя оставляють въ душе читателя самый безотраднѣйшій образъ Савелія:

Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ, да каторга.
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку белаго,
Вторая - шелку краснаго,
А третья шелку чернаго,
Любую выбирай!..
Въ любую полезай...
Такъ засмеялся дедушка
Что все въ коморке вздрогнули, -
И къ ночи умеръ онъ.

Къ чему это?

У Матрены родился сынъ Федотъ. Росъ онъ и крепъ. Казалось жизнь поправилась. Да неть, неправдою берутъ ея мужа Филиппа въ солдаты, и беда пуще всехъ бедъ раздражается надъ бедною Матреною.

Но любовь даетъ ей и силы, и крылья. Беременная третьимъ ребенкомъ идетъ она въ городъ где губернаторъ живетъ, подавать жалобу и спасти себя да мужа. Пришла къ губернатору; одарила швейцара; швейцаръ смиростивился: впустилъ ее; она сидитъ и ждетъ. Съ лестницы идетъ губернаторша.

Въ собольей шубе барыня,
Чиновничекъ при ней.
Не знала я, что делала,
(Да видно надоумила
Владычица!)... Какъ брошусь я
Ей въ ноги: "Заступись!
Обманомъ, не побожески
Кормильца и родителя
У деточекъ берутъ!"
- Откуда ты, голубушка?
Впопадъ ли я ответила -
Не знаю... Мука смертная
Подъ сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
Въ богатой, светлой горнице,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня - кормилица.
Нарядная, въ кокошнике,
Съ ребеночкомъ сидить:
- Чье дитятко, красавица?
"Твое!" - Поцаловала я
Рожоное дитя...
Какъ въ ноги губернаторше
Я пала, какъ заплакала,
Какъ стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времячко -
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лѣодорушка
Младенцу избрала...
- А что же съ мужемъ сталося?
- Послали въ Клинь нарочнаго,
Всю истину довели -
Филипушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама, - дай Богъ ей счастье! -
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А детокъ не далъ Богъ!
Пока у ней гостила я
Все время съ Лѣодорушкой
Носилась какъ съ роднымъ.
Весна ужъ начиналася,
Березка распускалася,
Какъ мы домой пошли...

-- "Что скажешь намъ еще?" спрашиваютъ мужики.

-- А то, что вы затеяли
Не дело между бабами
Счастливую искать!..

отвѣчаетъ Матрена.

-- "Да все-ли рассказала ты?" спрашиваютъ мужички.

Чего-же вамъ еще?
Не то-ли вамъ рассказывать
Что дважды погорели мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посетилъ?
Потуги лошадиныя
Несли мы: погуляла я
Какъ меринъ въ бороне...

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота?
Чего же вамъ еще!..

Но довольно кажется, читатель, привелъ я вамъ стиховъ изъ этой поэмы. Желалъ бы я знать что вы объ ней подумали: хороша или дурна? Что я думаю про нее, скажу вамъ въ двухъ словахъ. Не могу понять чемъ доля Матренушки есть та именно доля которая должна доказать мужичкамъ что и бабе на Руси не хорошо жить: вышла она по любви, ну, побивалъ ее муженекъ, и ужь конечно это совсемъ непригожее дело, - общая русская беда и когда-то еще выведется, да ведь и любилъ же ее, и крепко любилъ; а коль не любилъ-бы, разве побежала бы беременная Матрена просить къ губернатору спасенія отъ рекрутства, разве наслаждалась бы она такъ минутами после спасенія, когда вдвоемъ съ мужемъ, да съ новорожденнымъ возвращались они домой? А любовь есть, такъ значить счастья много, да такъ много что хватить его и такое горе, какъ смерть Демушки пережить, и пожары, и сибирскую язву перенести, ибо любить она мужика трезваго, работающаго, хорошаго парня, а полного счастья - и баринъ, и мужикъ знаютъ, - нетъ на этомъ свете.

Я нарочно привелъ много местъ изъ поэмы, во первыхъ, чтобы познакомить съ нею читателя, а во вторыхъ, чтобы, такъ сказать, собственными словами автора показать что въ сущности не такъ горько живетъ Матрене, какъ поэту это доказать хочется. Онъ плачетъ, этотъ поэтъ, но къ нему смело можно подойти, и спросить:

-- Чего ты плачешь, поэтъ?

-- Да какъ не плакать, ответить поэтъ плаксивымъ тономъ, погляди-ка что съ Матреною приключается!

И плетъ по мне прошла:
Я только не отвела, -

Слышите что говорить она, а старица-то убогая, афонская богомолка, такъ говорила Матрене такъ:

Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого.
И опять расплакался поэтъ!

Нетъ, не того я мненья, воля твоя, поэтъ: или ты не такъ описалъ Матрену, не такъ ее поставилъ, не съумелъ докопаться до глубины ея сердца, и изъ этой глубины вырвать те звуки, которые заставили бы меня прострадать такъ, какъ ты хотелъ чтобы пострадалъ я, твой читатель, или ты съумелъ, но и при всемъ своемъ умении, все-таки не могъ доказать что "ключи отъ счастья женскаго потеряны".

Это наводитъ меня на мысль, поэтъ, что у тебя въ этой поэме, возле чудныхъ картинъ, возле дивныхъ стиховъ, возле прелестныхъ образовъ, местами введена сентиментальная фальшь, этотъ врагъ поэзіи, правды, силы, жизни, творчества, и введена Богъ вестъ для чего, - разве только для того, чтобы между тобою, какъ папенькою твоей семьи, и статьями всехъ детенышей твоихъ было искусственное согласие: и чтобы ты стихами доказывалъ то что они, статейками о деревне, о крестьянскомъ вопросе и т. п., то есть что все уже такъ скверно въ мужицкомъ и русскомъ быту что хуже и быть не можетъ.

Читая твои поэмы, я местами воображаю себе что ты справляешься то съ положеніемъ 19 февраля то съ XIV томомъ свода законовъ; неужели? это страшно непоэтично. А что это возможно, то доказалъ мне следующий у тебя стихъ:

Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натягиваль онъ тутъ.

Тотъ кто можетъ такіе 3 стиха вставить въ свою поэму, тотъ можетъ и съ положеніемъ 19 февраля и даже съ XV томомъ свода законовъ справляться въ минуту самого сильного поэтического вдохновенія.

* * *

О "Поздней Любви" "Гражданинъ" свое мнѣніе высказалъ въ прошедшемъ году (No 49), когда эта пьеса въ первый разъ была играна на сцене Александрійскаго театра. Пьеса эта вызвала престранное явленіе въ нашей quasi-критике. Одни ее называли лучшею пьесой Островскаго, другіе худшею. Обыкновенно это бываетъ съ произведеніями замечательно-оригинальными, вводящими что-либо новое въ литературный міръ, какъ мысль или какъ форму; съ пьесой Островскаго, которая ни по форме ни по содержанію не вводила ровно ничего новаго, почему это случилось - трудно объяснить. Мало ли чего необъяснимаго бываетъ въ нашемъ журнальномъ міре! Съ воззрѣніемъ моего товарища, писавшаго въ прошломъ году въ "Гражданинѣ" объ этой пьесѣ г. Островскаго, я ни въ чемъ не расхожусь, а потому прибавлять къ оценкѣ этого произведенія ничего не имею. Французская газета "Journal de S. -Pétersbourg", у которой литературный критикъ подчасъ пишетъ довольно плавно о злобѣ дня нашей журнальной беллетристики, попытался объяснить себѣ значеніе этой пьесы Островскаго, и причины почему она такъ резко отличается отъ прежнихъ высоко-художественныхъ произведеній этого крупнаго писателя. Мнѣ нравится его объясненіе, а потому приведу его сущность. Г. Островскій, по мнѣнію рецензента французской газеты, вероятно сделалъ въ этой пьесѣ смелый шагъ съ целью попытаться придать своимъ пьесамъ тотъ эффектъ неожиданныхъ приключеній и драматическихъ положеній, непредвиденныхъ, но въ тоже время интересныхъ, которыя въ нашей драматической литературѣ отсутствуютъ, а французской, напротивъ, не только присущи, но иногда даже изобилуютъ въ ней черезъ-чуръ уже много. Г. Островскій все свои произведенія писалъ какъ-бы въ школѣ у Гоголя, у котораго, какъ известно, интрига пьесы и веденіе ея отъ завязки до развязки, были доведены до последней простоты. У Островскаго тоже самое. Въ "Поздней Любви" авторъ, какъ-будто съ намереніемъ оживить свою пьесу эффектными минутами берется за это дело неопытною и неумелою рукою, и вотъ являются у него патетическія развязки безъ борьбы, сюрпризы безъ всякой къ нимъ подготовки, где читатель или зритель не знаетъ чему удивляться: цинизму-ли героевъ и героинь, глупости-ли ихъ, или неумѣнью автора справляться съ задачами, которыя онъ на себя принялъ?

* * *

Что нашъ почтенный поэтъ доказываетъ въ стихахъ, и иногда въ чудныхъ стихахъ, то въ статеечкахъ своихъ г. г. Энгельгардтъ и г. Грыцько доказываютъ въ прозе: не хорошо-де мужичку жить на Руси. Г. Грыцько пишетъ 2 статьи о крестьянской реформѣ. Прочитавъ эти статьи, я на полѣ 2-ой статьи, въ самомъ концѣ ея написалъ: "кабинетъ, теорія, теорія, кабинетъ, кабинетъ, теорія", и приставилъ къ этимъ статьямъ четыре восклицательныхъ знака. Я никогда не видѣлъ г. Грыцько, и не знаю кто онъ; но не могу сказать почему, а такъ онъ передъ глазами у меня все и торчитъ: маленькій, тощенькій, бледненькій, длинныя светлорусыя кудри, серые глаза и бледныя губы; передъ нимъ необъятные томы Скребницкаго, заключающіе въ себѣ сводъ всехъ мнѣній губернскихъ комитетовъ о крестьянской реформѣ, за ними его такъ и не видать, но онъ самъ воображаетъ себѣ что все, все, решительно все онъ видитъ: видитъ необъятную Русь, какъ на ладони у него всякая губернія, всякій уездъ, всякое село, всякій крестьянскій полевой наделъ, и вотъ строчить онъ и много, и длинно, и скучно, о томъ-де что крестьянское экономическое положеніе изъ рукъ вонъ какъ плохо. Разсужденія почтеннаго теоретика не лишены той оригинальности, которая составляетъ отличительную черту всехъ нашихъ кабинетныхъ, идеологовъ. Основныя мысли этого труда, уже совершенно попусту потраченнаго, заключаются въ следующихъ положеніяхъ:

1) Положеніе 19 февраля сделало большую ошибку допустивъ вообще принципъ надела крестьянскихъ усадебъ слишкомъ маленькими полевыми наделами.

2) Положеніе 19 февраля слишкомъ дорого оценило крестьянскіе наделы.

3) Положеніе 19 февраля сделало ошибку прикрепивъ крестьянина къ своему наделу.

Доказывать эти темы кто не возьмется? Любой ученикъ гимназій! Но дело въ томъ что, давъ себе трудъ прочитать все что почтеннейшій идеологъ написалъ, я надеялся что буду вознагражденъ за это темъ что узнаю отъ г. Грыцько способъ выйти изъ критическаго положенія, будто бы произведеннаго этими ошибками составителей Положенія 19 февраля. Ничуть не бывало: еще разъ пришлось подосадовать на идеологовъ, и больше ничего. "Отечественныя Записки" до страсти любятъ тему крестьянскаго вопроса, и въ стихахъ, и въ сатирахъ и въ серьезныхъ статьяхъ, но толку - толку все не выходитъ никакого.

Г. Грыцько говоритъ что наделы крестьянскіе слишкомъ малы; по его мненію было бы лучше даже дать половине крестьянъ вдвое большіе наделы, а другой половине ничего кроме братскаго поцелуя, чемъ всемъ крестьянамъ дать столь незначительные наделы. Крестьянскій наделъ не можетъ прокормить крестьянина: вотъ, по мненію г. Грыцько, капитальный порокъ всей крестьянской реформы.

Право, не знаешь чему удивляться: наивности г. Грыцько, или незнанію элементарныхъ историческихъ сведеній о крестьянскомъ вопросе?

Кто станетъ спорить съ г. Грыцько о томъ что если бы каждому крестьянину дали 10 десятинъ надела въ плодородныхъ губерніяхъ, да 20 въ неплодородныхъ, да оценили бы эти десятины - въ первыхъ по 1 р., а во вторыхъ по 10 коп., если бы къ этимъ 10 десятинамъ прибавили бы ему по 5 р. въ годъ на десятину, для облегченія ему обработки земли, да на каждого помещика возложили бы еще обязанность, при подписаніи уставной грамоты, подарить крестьянину по одной лошади, да по паре воловъ, то положеніе крестьянина, въ экономическомъ отношеніи, стало бы лучше чемъ теперь, подъ условіемъ чтобы онъ лошадь и коровъ не пропилъ, а земли не отдалъ какому нибудь купцу на изнуреніе!

Но знаете что, г. Грыцько: и то нельзя было бы поручиться за полное счастье; ибо вообразите что крестьянину которому вы дали 10 десятинъ надела, Богъ въ свою очередь дастъ 10 человекъ сыновей: что онъ будетъ делать съ своими 10-ью десятинами? Вотъ вопросъ котораго верно вы не разрешите.

Но дальше. Не знаю помните ли вы, но я отлично помню, что когда возбужденъ былъ крестьянскій вопросъ, онъ явился теоретически разрешаемымъ на тысячи ладовъ, но практически *ни на одинъ*, -- да, ни на одинъ! Освободить съ землею десятки миллионовъ лицъ - это задача свыше всякихъ силъ человеческихъ: по практической сущности своей она неразрешима, если только вы задаетесь ею какъ законодательною задачею, и вотъ почему: въ Россіи розень быть не по уездамъ, а по деревнямъ; что помещикъ, что деревня, то особое положеніе; прошу покорно, задайтесь-ка задачею установить правила для каждого имения особенно!

Въ виду этой невозможности, некоторые практическіе люди предлагали, въ то время, предоставить каждому помещику устроиться съ крестьянами полюбовно - съ соблюденіемъ известныхъ главныхъ началъ и въ теченіе известнаго срока. Проектъ этотъ практически былъ самый благоразумный; но некоторымъ теоретикамъ эмансипаторамъ, не столько любившимъ крестьянъ, сколько ненавидевшимъ помещиковъ, онъ сильно не понравился, и большинство перешло на сторону проекта освобожденія крестьянъ путемъ законодательнымъ.

Когда это было решено въ принципе, могли ли эмансипаторы что либо другое сделать какъ то, что они сделали? Нетъ, не могли. Пришлось разделить Россію на главные районы, и сообразно имъ распределять наделы и оценивать ихъ, безъ всякой мысли о томъ справедливо ли оценивать наделъ А наравне съ наделомъ АЕъ и такъ до бесконечности. Разъ этотъ способъ разрешенія вопроса былъ принять, вопросъ о равномерности, о достаточности, объ излишке наделовъ, *de facto* исчезалъ; ибо сущность этого способа обезпеченія крестьянскаго быта заключалась въ решеніи вопроса *en masse*, а не отдельно, по каждому имению. И если даже при

этомъ способе решенія вопроса, две трети помещиковъ потеряли среднимъ числомъ одну треть своего состоянія, то при всей моей филантропіи, я никакъ не могу себе представить чего же еще хотеть бы г. Грыцько отъ г. г. помещиковъ: чтобы они половину или $\frac{2}{3}$ своего состоянія пожертвовали для блага меньшей братіи? Согласенъ, это было бы трогательно, человеколюбиво и удивительно безпримерно, но полагаю что ни одинъ самый ярый врагъ помещиковъ, въ то время, не решился бы такое пожертвованіе сделать для помещиковъ обязательнымъ.

Вообще ставить вопросъ крестьянскій на ту же почву, на которой онъ стоялъ при решеніи его посредствомъ Положенія 19 февраля, то есть разсуждать о немъ вообще, въ высшей степени бесполезно. Факты намъ говорятъ это ежедневно: въ каждой деревне, при каждомъ наделе, при техъ же условіяхъ вы видите крестьянъ богатеющихъ и даже въ работе не нуждающихся; а рядомъ съ этимъ крестьянъ принужденныхъ продавать свой скотъ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ надела. Никогда, ни Положенія 19 февраля, да и ни одно правительство въ міре не могло бы иметь въ виду каждому крестьянину дать столько земли сколько ему нужно для безбеднаго существованія. Эта мысль есть или абсурдъ идеолога, или бредни коммуниста. Крестьянину нуженъ наделъ *какъ одна изъ силъ* обезпечивающая его отъ бродяжничества и пролетаріата, а не какъ *вся сила*; другія силы составляютъ степень его труда, степень его образованія, нравственнаго развитія, степень его трезвой жизни, степень его бережливости, степень его умения жить. Въ связи со всеми этими силами наделъ даже *minimum* ему и полезенъ и необходимъ; безъ этихъ силъ, давайте ему 100 десятинъ, онъ въ прокъ не пойдутъ. Поживите, г. Грыцько, въ деревне, да не въ одной, а въ несколькихъ, и вы увидите что все ваши трактаты разлетятся какъ дымъ. Когда говорятъ что у насъ крестьянинъ, при своей усадьбе да при своемъ полевомъ наделе, можетъ заработать до 150 и 300 р. въ годъ работою где ему угодно, - а это несомненно, - тогда это значить что состояніе нашего крестьянскаго быта далеко не такъ мрачно, какъ оно кажется идеологамъ. Возможность для каждого крестьянина пропивать - и какъ пропивать деньги, - *десятками рублей*, уже доказываетъ что Положеніе 19 февраля подвергать критике и делать ответственнымъ за ухудшеніе крестьянскаго быта - трудъ не совсемъ благоразумный, а въ особенности непроизводительный.

* * *

Г. Энгельгардтъ, авторъ статей, озаглавленныхъ "Изъ деревни", несравненно интереснее во всехъ отношеніяхъ г. Грыцько; во-первыхъ, уже темъ онъ интереснее, что пишетъ изъ деревни, а не изъ Петербурга, а затемъ у него есть положительныя достоинства писателя: онъ остроуменъ, бойко владеетъ перомъ, и не лишенъ оригинальности. Въ то же время онъ весьма, самъ того не замечая, поучителенъ. При всехъ этихъ качествахъ онъ еще и наивенъ, но наивность его другаго рода, чѣмъ наивность идеолога: это скорее наивность сильнаго и крепкаго умомъ матеріалиста, который не знаетъ какъ ему достаточно насладиться и надивиться торжествомъ своей личности, развитой на химическихъ анализахъ, надъ непреодолимыми трудностями деревенской жизни. Это самообожаніе себя какъ царя, какъ князя матеріи, владычествующей надъ всемъ духовнымъ міромъ, проникаетъ всякую строку автора, какъ проникаетъ, вероятно, всю его личность. Изъ Петербурга пріехалъ ученый химикъ, и давай изъ себя, посредствомъ ума исключительно матеріалистически воспитаннаго, развитаго и начитаннаго, покорять себе и трудности агрономическія, затрудненія доступа къ крестьянину, и все что составляетъ для недавняго теоретика міръ затрудненій деревенской жизни. Читаются эти разсказы съ большимъ интересомъ, и были-бы они веселы, если-бы не звучала въ нихъ тоска безсилія внутренняго, пустоты духовнаго міра автора, отсутствіе поэзіи, чувствительной стороны жизни: духовнаго міра людей тутъ нетъ и атома; это нечто въ роде маленькаго доморощеннаго Литре, переезжающаго жить въ деревню, съ темъ чтобы жить тамъ и добывать себе доходы своимъ умомъ! Съ первой-же строки вы слышите что авторъ себя считаетъ умнее всехъ вообще, а можетъ быть и всехъ въ особенности, и затемъ онъ вамъ это доказываетъ прелестнымъ языкомъ и до известной степени логически. До всего, начиная отъ тулупа вместо европейскаго костюма - до крестьянина, авторъ доходитъ собственнымъ умомъ, везде онъ открываетъ Америку: у всехъ, напримеръ, рабочіе работаютъ кое-какъ, у него великолепно; у всехъ надо быть на-стороже, чтобы не обокралъ васъ дурной человекъ; у него все двери настежь, дескать все крестьяне знаютъ что онъ способности къ воровству въ нихъ не допускаетъ, и никто воровать у него и не подумаетъ; у всехъ хозяйства хромаютъ по множеству весьма-сложныхъ причинъ, у него все эти причины исчезли, какъ таетъ воскъ отъ

лица огня, и хозяйство у него идет отлично; все живут в своих домах, имеют свою прислугу, живущую отдельно; он закрывает весь дом и помещается в одной комнате, и эту одну комнату разделяет он с своим прикащиком. Словом, если можно так выразиться, статьи г. Энгельгардта из деревни имеют ту прелесть что он вам самым аппетитным образом доказывает что он маленький Петр Великий. Но затем, шутки в сторону, если в этих рассказах слышится полное, так сказать, отрицание духовного мира отношений к тем же крестьянам, которых автор хочет приучить и природнить к себе, и химическими познаниями и любовными платажными сделками, то, в тоже время, нельзя отрицать того что умный человек остается умным при всех своих недостатках, и во многом, где ум у автора проявляется в связи с энергией, настойчивостью, презрением к эпикурейству деревенской жизни, нельзя не отдать полную справедливость его здоровым и практическим мыслям. Автор обещает когда-нибудь сообщить подробную историю своего сельского хозяйства и отрадных результатов, им добытых; осуществления такого обещания нельзя не желать поскорее, ибо нет сомнения, многое из добытого им путем собственного опыта будет весьма интересно и практически полезно.

* * *

"Очень маленький человек" - какое странное заглавие, скажет читатель; я прибавлю: какое странное содержание! Если бы я написал эти "страницы из одних записок", как называет их автор, г. Глеб Успенский, я бы, ни малейшим образом не колеблясь, озаглавил-бы их так: "Непонятное" и под заглавием непременно в виде эпиграфа, написал-бы знаменитое изречение Кузьмы Пруткова: "плюнь тому в глаза, кто тебе скажет что может понять (вместо обнять) непонятное (вместо необъятное)"!

Впечатление производит на вас этот "Очень маленький человек" кошмарическое и тяжелое, в роде тех впечатлений, которые вы испытываете при разговоре с душевным больным; вам так и кажется что вот-вот, сейчас, "очень маленький человек" или на вас бросится в припадке умоизступления, или застрелится. Передать вам содержание этой вещи выше сил моих: это бред, положительно бред, и почему этот бред без всякой мысли появился на страницах "Отечественных Записок" - это тайна известная одному Богу и редакции. Например: "Мне стало приходиться в голову", говорит "маленький человек" после присутствия на Куприяновском судебном процессе, "что обилие и превосходное качество идей, исповедуемых мною, ничуть, однакож, не мешало быть мне самому вовсе не тем, чего бы требовали эти идеи"... Далее: "Умереть!" вот что сидело у меня в голове, когда я выходил из залы нашего окружного суда после того как она огласилась рукоплесканиями по случаю полного оправдания подсудимых по Куприяновскому делу. "Зачем жить, зная что ничего не можешь, что даже ничего не хочешь?" твердил я себе в каком-то столбняке, шлепая по грязи, среди темной августовской ночи". А заметьте - этот человек семейный и повидимому счастливый человек! Но вот еще места:

"Вот семья, попробовавшая устроиться на так называемых новых началах, - что же происходит в ней? Происходят в ней не веселые вещи, о которых общество узнает по какому нибудь крупному и неожиданному происшествию, - выстрелу, яду и т. д. И если есть у вас желания добиться сущей правды, то в конце концов, разбирая подробности этой истории, вы увидите что идея, во имя которой устроилась эта семья, пожрана, так сказать, совершенно простыми аппетитами очень маленького человека, - пробужденным временем".

"То же самое случается и в другой семье, где есть глубокий аппетит к канкану, и где пытаются устроить все на основании основ завещанных предками. Здесь, быть может, не будет яду, но отсутствие веры в эти основы будет непременно, иначе зачем бы сюда попал канкан, и потом разыгрался скандал, о котором "даже писали в газетах"?

"А бывает и так что во время узнав себя, примутся люди делать какое нибудь очень простое дело, - наживать, "нравиться" и все пошло как по маслу!"

"А учреждения общественные, не пускающие пуль в лоб, и не принимающие яду, живут ли они тем, во имя чего устроены, во имя чего требуют хорошего продовольствия?"

Или вотъ еще:

"Если бы мне пришло въ голову подумать о томъ что мысль, не пользующаяся правомъ жизни, должна неизбежно сгнить въ уме обладающемъ ею, должна пройти все фазисы разложенія, то мне наверное стали бы понятны все явленія Купріяновскаго процесса, не относящіяся исключительно къ желудку и карману. Мне бы стали понятны и злость, наполняющая воздухъ, злость на себя и на другихъ, и желаніе на все плюнуть, пустить въ лобъ пулю и проч."

Одно объясненіе всего этого непонятнаго - не есть ли это подражающая Щедрина сатира? Но если такъ, то это сатира на современнаго человека изъ школы такихъ людей которыхъ гоноръ такого современнаго журнала какъ "Отечественныя Записки" не позволяетъ ему осмеивать, сатира надъ единицами той публики которая рукоплещетъ всякимъ оправдательнымъ приговорамъ, всякимъ непонятнымъ статьямъ, где пахнетъ нигилизмомъ, и т. д. Невероятно чтобъ такую сатиру дозволили тятенька Некрасовъ и дяденька Щедринъ поместить въ своей семейной хронике. А если это не сатира, то что же это такое?

* * *

"Благонамеренныя речи" дяденьки Щедрина за No 7, хотя и составляютъ "продолженіе той же матеріи", какъ говоритъ авторъ, но между нами будь сказано, оне далеко не такъ удачны какъ первыя, и... что же, *tranchons le mot*, какъ говорятъ французы, просто за просто надоели; тянуть можно романъ, но тянуть, подъ темъ же заглавіемъ, "благонамеренныя речи", т. е. сатирическое произведеніе, где все-таки умъ въ гимнастическомъ, а не въ нормальномъ состояніи, право невозможно; и вотъ почему я не удивляюсь тому что иные, даже ревностные читатели и почитатели Щедрина, говорили мне что эти "Благонамеренныя речи" немного *начинають* надоедать!

"Благонамеренныя речи" - это связанныя въ одно разсужденіе летучія мысли, афоризмы, сцены, разговоры, и все что хотите; но діапазонъ всего этого подчасъ утомителенъ, да и отсутствіе резкаго разнообразія не менее утомительно тоже; это все варианты на те же темы, все признаки что авторъ сидитъ все въ томъ же заключеніи своего умственнаго міра, откуда не веетъ ничемъ свежимъ и не блеснетъ какой нибудь новый и яркій лучъ этого крупнаго таланта. А отчего это? Именно оттого что существуютъ гостепріимныя страницы "Отечественныхъ Записокъ", куда непременно - хоть убей, а подай, - нужно автору доставить главку изъ его "благонамеренныхъ речей". Нетъ свободы, нетъ и могучаго, прямого наитія вдохновенія; все это маленькія созданья маленькаго талантика, отъ которыхъ иногда досадно, потому что знаешь на какія крупныя вещи такой крупный талантъ способенъ. И притомъ, я слышу какъ люди кругомъ меня говорятъ: неужели же Щедринъ не можетъ хотя что нибудь написать менее *безотрадно*-сатирическое? Слово "безотрадно-сатирическое" я записалъ какъ меткое. И действительно, читая г. Щедрина, чувствуешь себя точно въ плену въ его сатирическомъ міре, изъ котораго нельзя ужъ выйти, въ которомъ нельзя вздохнуть свободно, нельзя увидеть что-либо ясное, иначе какъ переставъ читать.

Вообще черезъ обе книги "Отечественныхъ Записокъ" ныншняго года проходитъ что-то невыразимо *сплиническое*! Такъ и хочется сказать: да подбавьте же хоть чего-нибудь, хоть веселенькаго!